

Деятельность управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи

Игорь Викторович Шмонин,

аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: shmonin_igor@mail.ru

Дмитрий Игоревич Шмонин,

аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: tridents@yandex.ru

В статье анализируются проблемы, связанные с организацией деятельности управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Российской империи. Рассматриваемый период — от учреждения управления в 1869 г. до его упразднения в 1922 г. В сложных военно-политических и социально-экономических условиях Дальневосточного региона пограничные комиссары Южно-Уссурийского края решали важнейшие задачи по защите национальных интересов Российской империи. Прежде всего — по обеспечению государственной безопасности России на порученном участке. Последовательно сменявшие друг друга в рассматриваемый период пограничные комиссары Матюнин Н.Г., Смирнов Е.Т и Кузьмин Н.Д. внесли значительный вклад в укрепление России на дальневосточных рубежах и совершенствование системы охраны государственной границы. Структурно находясь в составе Министерства внутренних дел, они выполняли административную и правоохранительную функции. Кроме того, пограничные комиссары имели большие полномочия в дипломатической области, осуществляли консульскую, а также разведывательную и контрразведывательную деятельность. Управление пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае стало уникальным государственным институтом, аналог которому по объёму решаемых задач сегодня вряд ли удастся найти. Расширяющиеся связи России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, постоянный поиск новых форм и методов решения вопросов пограничной политики делают тему деятельности пограничных комиссаров Южно-Уссурийского края актуальной и в наши дни. В кратком историографическом обзоре подчёркнуто, что данная проблема пока недостаточно глубоко изучена. Основную источниковую базу статьи составили труды современных российских исследователей: Буйкова А.М., Смирнова А.Г., Соколенко А.В., Авилова Р.С., ранее не публиковавшиеся материалы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, а также опубликованные РГИА ДВ в сборнике официальных документов

«Дальний Восток России в материалах законодательства» нормативно-правовые акты. Авторами статьи сделана попытка обобщить накопленные знания на основе указанных источников и ввести в научный оборот новые сведения о деятельности управления пограничного комиссара Южно-Уссурийского края по защите национальных интересов Российской империи.

Ключевые слова: государственная граница, государственная безопасность, пограничный комиссар, пограничная застава, казачество, агентура, контрабанда, хунхузы.

Activity of administration of boundary commissioners in the South Ussuri region for protection of national interests of the Russian Empire.

Igor Shmonin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the peoples of the Far East, Vladivostok. E-mail: shmonin_igor@mail.ru.

Dmitry Shmonin, Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: tridents@yandex.ru.

The paper examines the problems associated with the organization of the administration of boundary commissioners in the South Ussuri region of the Russian Empire. The period of study is from the establishment of the administration in 1869 to its abolition in 1922. In the difficult military and political, and socioeconomic conditions of the Far East region the boundary commissioners of the South Ussuri region solved important tasks of protecting the national interests of the Russian Empire. First of all, it was crucial to ensure Russia's national security in the area. During this period, the successive boundary commissioners Matyunin N.G., Smirnov E.T., and Kuzmin N.D. made a significant contribution to the consolidation of Russia at the Far East boundaries and improvement of the security system of national border control. Structurally, being a part of the Ministry of Internal Affairs, boundary commissioners performed administrative and law enforcement functions. In addition, they had authority in the field of diplomacy, performed council, intelligence and counterintelligence activities. The administration of boundary commissioners in the South Ussuri region became a unique state institution which is likely without equals in terms of the solved tasks. In a brief historiographical review it is pointed out that this issue hasn't been studied sufficiently. At the same time, the expansion of Russian relations with the countries in the Asia-Pacific region, the constant search of new forms and methods of solutions of border policy issues make the topic of the activity of boundary commissioners of the South Ussuri Region relevant today. The main source base of the paper consists of works of contemporary Russian researchers Buyakov A.M., Smirnov A.G., Sokolenko A.V., Avilov R.S., previously unpublished materials from the collections of the Russian State Historical Archive of the Far East and normative legal documents published by RGIA of the Far East in a collection of official documents "the Russian Far East in the legislative materials." According to these sources, the authors attempted to summarize the accumulated knowledge and to introduce new information about the activity of the administration of boundary commissioners in the South Ussuri region for the protection of national interests of the Russian Empire.

Keywords: state border, national security, boundary commissioner, frontier post, Cossacks, agents, smuggling, Honghuzi.

Интерес к деятельности пограничных комиссаров Российской империи продиктован сегодня бурно развивающимися отношениями России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, поиском новых форм и методов решения вопросов пограничной политики с опорой на исторический опыт.

В отечественной историографии тема деятельности пограничных комиссаров пока недостаточно глубоко изучена. Как в дореволюционный, так и в советский период данная проблема не нашла своего исследователя, несмотря на то, что сведений о работе погранкомиссаров в отчётно-аналитических трудах их современников достаточно. В 1995 г. в Торонто А.М. Буюков опубликовал статью с кратким историческим очерком пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае [2]. Большая исследовательская работа была проведена А.Г. Смирновым в издании 2004 г. «Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане» [8]. Вопросы взаимодействия пограничного комиссара с уссурийским казачеством рассматривались одним из авторов данного исследования, И.В. Шмониным, в сборнике статей 2011 г. «Казачество Дальнего Востока России в XVII—XXI вв.» [10]. В 2012 г. опубликована работа Р.С. Авилова «Из истории русско-китайской границы: „Шитэулинский инцидент“ 1879 года», в которой детально рассматривается роль пограничного комиссара в расследовании и урегулировании одного из самых крупных пограничных инцидентов [1]. В 2015 г. издательством «Грамота» опубликована статья А.В. Соколенко о борьбе пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства с иностранной разведкой на Дальнем Востоке в начале XX в. [7].

Цель этой работы — на основе указанных исторических исследований и анализа архивных источников обобщить накопленные знания и ввести в научный оборот новые сведения о деятельности управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае по защите национальных интересов Российской империи.

После окончательного определения восточной границы между Россией и Китаем в 1860 г., начался длительный и сложный процесс освоения русскими людьми земель нынешнего Приморья, большую часть которого составлял Южно-Уссурийский край — вся присоединённая территория к югу от оз. Ханка. Несмотря на то, что первый сухопутный пограничный пост, названный Турьим Рогом, появился на левом берегу оз. Ханка ещё в мае 1859 г., т.е. до подписания Пекинского договора, новые границы нуждались в более надёжной охране, а немногочисленное местное население — в защите от набегов шаек хунхузов (китайских разбойников). Особенно остро вопрос охраны границы встал в 1868 г., после т.н. «манзовской войны», когда манзы (китайское население Уссурийского края) в ответ на изгнание их русскими властями с золотых приисков о. Аскольд уничтожили наш пост в зал. Стрелок, сожгли селения Шкотовское и Никольское [9, с. 12]. Удалённость от экономических центров страны, огромные неосвоенные просторы, большое количество китайских подданных и корейских беженцев, наличие вполне реальных внешних и внутренних угроз безопасности выделяли Южно-Уссурийский край на фоне других российских регионов.

Ввиду особого положения 12 ноября 1869 г. Высочайше утверждённым мнением Государственного Совета здесь было учреждено управление пограничного комиссара [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 5]. Штат управления предусматривал три должности: пограничного комиссара и двух переводчиков с китайского и корейского языков, с ежегодными окладами 2000, 1000 и 500 руб. соответственно [4, с. 188]. Для сравнения приведём оклады чинов Уссурийской казачьей конной сотни, сформированной для «охранения границ Южно-Уссурийского края» именным Указом от 24 мая 1869 г.: командир сотни (войсковой старшина или майор) — 600 руб., есаул — 549 руб.; сотник — 468 руб.; урядник старший — 36 руб.; урядник младший — 9 руб. 30 коп., казак — 6 руб. 60 коп. в год [ПСЗРИ. II. Т. 44. № 47118]. Как видим, труд чиновников пограничного комиссариата оценивался правительством достаточно высоко. Однако это не избавило пограничных комиссаров от затруднений материального характера. Например, средств на строительство административного здания управления выделено не было. Вместе с тем новый государственный институт позволял России координировать деятельность по охране границы непосредственно на месте и решать сложные проблемы российско-китайских приграничных отношений в осваиваемых землях Приморья [2, с. 216].

Располагалось управление сначала на посту Новгородском (пос. Посьет), затем — в урочище Новокиевском (пос. Краскино Хасанского района). Участок границы, вверенный Южно-Уссурийскому пограничному комиссару, простирался от побережья Японского моря (м. Сессури) до пос. Графское (Дальнереченский район) [8, с. 24].

Весьма противоречивым оказался порядок подчинённости пограничного комиссара. Его прямым и непосредственным начальником являлся военный губернатор Приморской области, а по дипломатическим делам — генерал-губернатор Восточной Сибири, наделённый полномочиями назначать на эту должность, увольнять с неё и определять особую инструкцию комиссару по предварительному соглашению с министром иностранных дел [ПСЗРИ. II. Т. 44. № 47653]. Двойственность подчинения не только негативно влияла на личное благосостояние комиссара, но и, по признанию военного губернатора Приморской области, «...крайне вредила делу: пограничный комиссар, игнорируемый областным начальством, не находил поддержки и содействия и у других местных учреждений и, не будучи поставленным в известность об административных предположениях областной администрации, иногда невольно шёл от них в диаметрально противоположную сторону, следуя данной ему инструкции» [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 6].

В январе 1870 г. пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края был назначен надворный советник Василий Дмитриевич Овандер. В предыдущих исследованиях фамилия Овандер не упоминалась, возможно, потому, что долго служить на этой должности ему не довелось. В июле 1871 г. в связи с «расстройством умственных способностей» его отправили в отставку и командировали в Петербург. Временное исполнение обязанностей

пограничного комиссара было возложено на надворного советника Филиповича [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 130. Л. 1—7].

Значительный вклад в деятельность по защите национальных интересов России на дальневосточных границах внёс пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Николай Гаврилович Матюнин, назначенный на эту должность приказом генерал-губернатора Восточной Сибири от 27 августа 1873 г. [РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 16153. Л. 68 об.]. Он уже имел опыт работы в Китае и на границах России, проявил способность к изучению языков и пониманию психологии маньчжуров и ханьцев (китайцев). По характеру Н.Г. Матюнин был человеком приветливым и мобильным, мог расположить к себе даже нелюдимых [8, с. 24].

Спектр деятельности пограничного комиссара был очень широк и определялся тремя основными целями: «...восстановить и упрочить торговые отношения с Маньчжурией, завести по возможности таковые с Кореей и добиться от китайских пограничных властей должного с их стороны охранения границы» [2, с. 216]. Так, «Временная инструкция пограничному комиссару Южно-Уссурийского края», утверждённая генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенантом Корсаковым М.С. 23 марта 1870 г., определяла компетенцию комиссара в отношениях с пограничными китайскими властями по следующим делам:

- а) об охранении границы с китайской стороны от бродяг и злонамеренных людей;
- б) о взаимной выдаче людей, перешедших границу по ошибке или намеренно без билетов, но не сделавших никакого важного проступка или преступления;
- в) по несогласию или ссорам русских подданных с китайскими;
- г) по денежным предъявлениям по торговым расчётам между теми и другими;
- д) о возврате скота и лошадей, перешедших или украденных за границу» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 25—27].

Комиссару вменялось в обязанность заботиться о сохранении доброго согласия между местными жителями России и Китая. То же самое постановлялось комиссару и относительно Кореи [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 25—27]. В 1881 г. Военный губернатор Приморской области отмечал: «...круг деятельности пограничного комиссарства обнимает весьма разносторонние предметы и возлагает на пограничного комиссара ответственность за чрезвычайно дорогие нам интересы» [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 11 об.].

Первая инструкция носила временный характер и разрабатывалась всего на 3 года, однако, несмотря на постоянные ходатайства Матюнина о внесении поправок, более 18 лет оставалась неизменной [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1089. Л. 1 об.].

Со временем на пограничного комиссара, деятельность которого была связана с частым общением с иностранцами и соотечественниками, возложили и консульские обязанности. «До начала Русско-японской войны

он одновременно являлся и генеральным консулом в корейском г. Кенгхыне: оформлял документы прибывающим иностранцам, выдавал разрешения российским подданным на выезд за границу. Он же являлся одним из резидентов пограничной, военной и внешней разведки на Дальнем Востоке» [8, с. 24]. Так, 14 июля 1881 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин предписывал Южно-Уссурийскому пограничному комиссару доносить ему обо всех событиях в Маньчжурии и Корее, сношениях его с пограничными властями, получаемых из-за границы известиях, представляя одновременно копии с этих донесений военному губернатору области [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 830. Л. 21—22].

Особое место в деятельности погранкомиссара занимало противоборство иностранной разведке. Он участвовал в тайном наблюдении за подозрительными иностранцами: дипломатами, коммерсантами, путешественниками [6, с. 153]. Так, в одном из своих секретных донесений военному губернатору Приморской области от 22 декабря 1881 г. Матюнин сообщал: «...рекомендуемые нашим посланником в Пекине два путешественника едут вовсе не с невинной целью охоты, но под этим предлогом делают по поручению Китайского правительства обширную рекогносцировку¹ всей приграничной к Китаю нашей полосы...» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 831. Л. 4].

Много хлопот добавило Матюнину одновременное исполнение административных обязанностей начальника Южно-Уссурийского округа. Погранкомиссару приходилось разбирать дела о преступлениях китайских подданных, подсудность которых вызывала трудности. Согласно Пекинскому договору 1860 г. следствие и наказание подданных как Российского, так и Дайцинского государства проводились по законам той страны, к которой принадлежал виновный. Поэтому преступников высылали на родину с запретом на возвращение. Однако контролировать китайцев, у которых не было ни паспортов, ни билетов, не представлялось возможным, и потому преступные элементы вскоре вновь появлялись в Южно-Уссурийском крае [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 830. Л. 82—83]. В одном из донесений военному губернатору Приморской области Матюнин приводит конкретный пример: «Китаец Цау-Фун-Сянь, живший в Камень-Рыболове и высланный за явное пристанодержательство и сообщничество с хунхузами, нынче был в свите генерала Чуньлин в качестве переводчика, когда этот чиновник прибыл в наши пределы и прошёл от Турьего Рога до Полтавского караула» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 830. Л. 98].

Отчёты о неоднократных посещениях Н.Г. Матюниным приграничных районов на территории сопредельных государств показывают, что он был хорошим разведчиком, обладал наблюдательностью и аналитическими способностями. Именно он одним из первых доложил, что прилегающие к Уссурийскому краю многочисленные районы Маньчжурии совершенно не заселены китайцами. В совокупности с другими сведениями

¹ Рекогносцировка — разведка, проводимая с целью выяснения сведений о противнике, местности, населении, местных предметах (Большая универсальная энциклопедия. М.: АСТ-Астрель, 2010. Т. 15. С. 191).

это сообщение позволило сделать крайне важный вывод: если Восточная Маньчжурия не освоена китайцами, то Уссурийский край никогда не принадлежал Китаю [8, с. 26].

В бытность Матюнина пограничным комиссаром появились новые документы, регламентирующие деятельность пограничных органов и войск. Так, в 1879 г. генерал-губернатором Восточной Сибири П.А. Фредериксом были утверждены на 2 года в виде опыта проекты «Дополнительной инструкции Южно-Уссурийскому пограничному комиссару» и «Инструкции для исполнения кордонной службы на границе с Маньчурией в Южно-Уссурийском крае». Этими документами определялись полномочия пограничного комиссара по организации кордонной/пограничной службы силами Уссурийской казачьей конной сотни. В частности, в «Дополнительной инструкции Южно-Уссурийскому пограничному комиссару» определён следующий порядок подчинённости: «...пограничные караулы, а равно и офицеры, заведующие ими, состоя по хозяйственной и строевой части в непосредственной зависимости от военного начальства, в отправлении пограничной службы подчиняются комиссару» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 74]. Начальник кордонной линии (он же — командир казачьей сотни) в соответствии с Инструкцией был обязан: «...сообщать комиссару через посредство своих подчинённых обо всём происшедшем на границе, как в военном, так и в военно-политическом и таможенном отношении, а также принимать к сведению и исполнению все сообщения и требования пограничного комиссара в отношении охраны всей пограничной линии и полной её безопасности. Кроме того, начальник кордонной линии и все офицеры пограничной военной части во всякое время обязаны оказывать пограничному комиссару полное содействие по исполнению комиссаром его служебных обязанностей...» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 829. Л. 81]. Однако неотлаженный механизм взаимодействия пограничного комиссара и кордонной линии давал серьёзные сбои [9, с. 89].

Офицеры, находящиеся в структуре Военного ведомства, неохотно подчинялись гражданскому чиновнику, поэтому его распоряжения нередко игнорировались, обмен информацией об обстановке на границе был непостоянным [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 984. Л. 3.] Тем не менее, когда в июне 1879 г. произошёл крупный пограничный инцидент с участием казаков Уссурийской казачьей конной сотни, внезапно напавших на отряд маньчжурских войск на китайской территории, приняв его за банду хунхузов, Матюнин приложил максимум усилий, чтобы его урегулировать, снять обвинения с командира сотни майора Ножина и убедить китайских чиновников в непреднамеренности его действий [1, с. 101—147; 10, с. 88].

Не лучшим образом обстояло дело и с финансированием комиссарства. Средств на строительство соответствующего служебного помещения и квартир для штатных сотрудников вообще не выделялось, вследствие чего Матюнин был вынужден в Новокиевском «слепить себе домишко, на который уходили все его сбережения в течение пяти лет» [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 12 об.]. По свидетельству военного губернатора области

генерал-майора Баранова, пограничный комиссар в одной из двух занимаемых им крохотных комнат разбирали судные дела и опрашивал арестантов, визировал билеты китайских промышленников, а также принимал и угощал высокомерных китайских чиновников. Получая 1000 руб. жалования, 1000 руб. столовых и 1200 руб. на канцелярские и пограничные расходы, он едва сводил концы с концами и был вынужден, вследствие дороговизны жизни, уклоняться в ущерб делу от более частого общения с китайскими властями [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 91. Л. 14].

Несмотря на попытки некоторых чиновников добиться упразднения должности пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, в 1882 г. Государственный Совет принял новый штат его управления [2, с. 218]. К прежнему штату добавилась должность переводчика маньчжурского языка, годовое содержание увеличилось: комиссару — до 3500 руб., переводчику с китайского языка — до 2300 руб., с корейского — до 1000 руб. в год. Переводчику с маньчжурского языка назначили содержание в 1200 руб. в год. Кроме того, для постройки в Новокиевском посту подворья для пограничного комиссара выделили сумму в 35 723 руб. 67 коп. Однако средства на пограничные и канцелярские расходы сократили с 1200 до 1000 руб. в год [3, с. 35]. Изменился и порядок подчинённости. Теперь по всем делам, включая сношения с китайским правительством, пограничный комиссар отчитывался перед военным губернатором Приморской области [ПСЗРИ. III. Т. 2. № 950].

На хлопотной и ответственной должности пограничного комиссара Н.Г. Матюнин прослужил почти 30 лет. За это время он досконально изучил границу и её прохождение. Именно он в 1882 г. поставил вопрос о замене деревянных пограничных столбов, которыми была первоначально обозначена граница по Пекинскому договору 1860 г., на монолитные литерные знаки. Это было непростым делом. Н.Г. Матюнин занимался им, судя по переписке, несколько лет. Решение о замене знаков приняли в 1886 г., а установка монолитов проходила в 1887—1889 гг.; просуществовали эти литерные знаки более 100 лет [8, с. 24]. В сентябре 1892 г. Матюнин представил на рассмотрение областного начальства разработанный им на основе своего практического опыта проект Инструкции пограничным заставам в Южно-Уссурийском крае. Этот проект стал основой будущей Инструкции [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1089. Л. 49—57].

18 сентября 1899 г. пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае назначили действительного статского советника Евгения Тимофеевича Смирнова. Погранкомиссар Смирнов внедрил в охрану границы Южно-Уссурийского края разведывательно-поисковый метод, постоянно изучал иностранцев, особенно переселившихся корейцев и китайцев, создал из них достаточно работоспособный агентурный аппарат для разведки. В Петербург постоянно шла информация о подготовке Японии к войне с Россией, однако её не воспринимали всерьёз [8, с. 29]. Происходило это в силу инертности царских чиновников, не привыкших оперативно принимать важные решения, а также возможно, и потому, что предшественник

Смирнова, Матюнин, предупреждал о неизбежности японо-китайской войны ещё за 13 лет до её начала [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 830. Л. 31]. Как опытный разведчик Смирнов создал обширный агентурный аппарат, который регулярно снабжал его важнейшей информацией о перемещениях китайских войск в Маньчжурии, японских войск в Корею, об обстановке на русско-китайской и русско-корейской границе, о деятельности японских разведывательных органов [2, с. 221]. Эти сведения представляли огромный интерес для военного командования, особенно в период Русско-японской войны.

В августе 1910 г. погранкомиссар Е.Т. Смирнов был одним из организаторов и участников совещания «по вопросам о мерах к очищению Южно-Уссурийского края от хунхузов» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 725. Л. 79], состоявшегося во Владивостоке под председательством военного губернатора генерал-майора И.Н. Свечина. В постановлении данного совещания особо подчёркивалось значение работы с агентурой: «...учреждение тайной агентуры является крайне необходимым, причём учредить таковую следует раз и навсегда» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 725. Л. 107]. Большой опыт работы с пограничными властями Китая и Кореи Смирнов получил ещё до назначения на пост пограничного комиссара. За два года он провёл большую аналитическую работу по проверке прав на русское подданство корейцев южной части Приморской области, стал настоящим знатоком корейского вопроса.

Самой болезненной проблемой для Смирнова было обеспечение охраны границы в Приморье. По его убеждению, правительственные меры в этом направлении носили паллиативный, т.е. полумерный, характер. Всеми силами он пытался обратить внимание чиновников на серьёзные пробелы в системе охраны границы, предлагал конкретные способы её усовершенствования [11, с. 127]. Взаимодействуя с воинскими частями, выставленными вдоль границы, Смирнов активно внедрял в их деятельность разведывательно-поисковый метод. По его инициативе в крае было создано 6 разведывательно-поисковых отрядов, во главе которых в разное время были А.В. Суханов, В.К. Арсеньев, А.Т. Бунин и будущий пограничный комиссар Н.Д. Кузьмин [8, с. 29].

В 1912 г. Южно-Уссурийским погранкомиссаром стал подполковник Никита Дмитриевич Кузьмин, имевший боевой опыт русско-японской войны и несколько лет прослуживший пограничным комиссаром Амурской области. Будучи командиром разведывательно-диверсионного отряда, действовавшего на КВЖД и побережье (Порт-Артур и Дальний), он провёл ряд сверхсекретных операций в Корею и Маньчжурии. Н.Д. Кузьмин владел корейским языком, хорошо освоил работу с агентурой. Пограничное комиссарство возглавил профессиональный разведчик [8, с. 30].

Став пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, Н.Д. Кузьмин встретился с трудностями, с которыми не сталкивались его предшественники. К осени 1914 г. практически не осталось профессионально подготовленных формирований по защите российской границы. Пограничники, линейные стрелковые подразделения, казаки, прикрывавшие границу, — все

были переброшены в окопы Первой мировой войны. С каждым днём войны, как отмечает Н.Д. Кузьмин, ухудшалось и финансовое обеспечение пограничников, что сразу же сказывалось на работе с агентурой. В результате ослабления охраны границы из Китая и Кореи усилился поток нарушителей — от обыкновенных бродяг до настоящих шпионов. Заметил Кузьмин и ещё одну тенденцию: в условиях нехватки товаров быта и ширпотреба многие русские железнодорожники, сельчане приграничья и казаки для выживания стали заниматься спекуляцией, контрабандой. На границе нарастал хаос, противостоять которому Кузьмин пытался всеми имеющимися способами.

Погранкомиссар обращал внимание чиновников на «совершенно слабую охрану границы» ещё накануне Первой мировой войны. В крае хозяйничали банды хунхузов, угоняли лошадей и скот. Основным путём ухода преступников была хунчунская дорога, возле которой находилась застава. Однако, выполняя в основном таможенные функции пункта пропуска через границу и не имея никакой связи с населёнными пунктами, пограничники не могли вовремя перекрывать обходные пути для поимки преступников. Все усилия Кузьмина, направленные на обеспечение заставы телефонной связью, оказались безуспешными «ввиду отсутствия для этой цели подлежащего отпуска денежных средств» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2395. Л. 1; Там же. Оп. 11. Д. 434. Л. 19].

В ходе Первой мировой войны длительный опыт работы Кузьмина с китайским, корейским и японским населением был востребован для борьбы с вражеской разведывательно-подрывной и иной деятельностью. Так, по поручению Приамурского генерал-губернатора вместе с Полтавским старичным атаманом и управляющим Полтавской таможенной заставой он проводил мероприятия по выявлению хунхузских шаек, которыми руководили германские офицеры [7, с. 156]. Н.Д. Кузьмин продолжает выполнять обязанности погранкомиссара и после революционных потрясений, даже не получая никакого жалованья. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство в Новокиевском прекратило свою работу только в 1922 г. [8, с. 30].

Таким образом, созданное в 1869 г. управление пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае занимало важнейшее место в общей системе обеспечения национальной безопасности России. Пограничные комиссары были наделены большими полномочиями в различных сферах деятельности: административной, международно-договорной, консульской, погранпредставительской, разведывательной и контрразведывательной, правозащитной и правоохранительной. В сфере охраны и защиты государственной границы погранкомиссары также выполняли несколько функций: координирующую, контролирующую, организаторскую. Они лично участвовали в демаркации государственной границы, установке литерных знаков, играли особую роль в расследовании и урегулировании пограничных инцидентов, вели переговоры с представителями китайских и корейских властей, деловую внутреннюю и дипломатическую переписку, участвовали в совершенствовании нормативно-правовой базы охраны границы. Трудно представить, как одному человеку удавалось совмещать в работе столь разные виды деятельности.

Из анализа архивных источников следует, что царское правительство в своей дальневосточной пограничной политике стремилось к минимизации расходов, поэтому погранкомиссары, формально наделённые большими полномочиями, не всегда имели возможность в полной мере их реализовать. Вместе с тем, деятельность пограничных комиссаров Южно-Уссурийского края Российской империи представляет собой уникальный опыт государственной службы и яркий пример верного служения своему Отечеству.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С. Из истории русско-китайской границы: «Шитэулинский инцидент» 1879 года // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XI. М.: Изд. дом «Регнум», 2012. С. 101—147.
2. Буюков А.М. На передовом рубеже России в Северо-Восточной Азии: краткий очерк истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник. Торонто, 1995. № 2. С. 215—224.
3. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881—1889 гг. Владивосток: Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока, 2005. 260 с.
4. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862—1870 гг. Владивосток: Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока; инф.-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2004. 224 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). II. Т. 44. № 47118, № 47653.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). III. Т. 2. № 950.
7. Соколенко А.В. Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 152—157.
8. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане / сост. А.Г. Смирнов; под ред. В. Комисарчука. Владивосток: Русский остров, 2004. 336 с.
9. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ) / сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: Русский остров, 1999. 120 с.
10. Шмонин И.В. Взаимодействие уссурийского казачества с управлением пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Российской империи // Казачество Дальнего Востока России в XVII—XXI вв. Сб. ст. Вып. 3. Хабаровск, 2011. С. 85—91.
11. Шмонин И.В., Шмонин Д.И. Исторические аспекты обеспечения безопасности дальневосточных границ России в начале XX в. // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 121—129.
12. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
13. РГВИА (Рос. гос. военно-ист. архив).

REFERENCES

1. Avilov R.S. Iz istorii rusko-kitajskoj granicy: "Shitjeulinskij incident" 1879 goda. [From the history of the Russian — Chinese border, "Shiteulinskiy incident" in 1879]. *Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii* [Russian collection: research in the history of Russia]. T. XI. Moscow, Izdatel'skiy dom "Regnum" Publ., 2012, pp. 101—147. (In Russ.)
2. Bujakov A.M. Na peredovom rubezhe Rossii v Severo-Vostochnoj Azii: kratkij ocherk istorii pograničnogo komissarstva v Juzhno-Ussurijskom krae [At the forefront of Russia in Northeast Asia: a brief essay of the history of the boundary commissioners in the South Ussuri region]. *Rossijane v Azii: literaturno-istoričeskij ezhegodnik* [Russians in Asia: a literary-historical annual]. Toronto, 1995, no. 2, pp. 215—224. (In Russ.)
3. *Dal'nij Vostok Rossii v materialah zakonodatel'stva. 1881—1889 gg.* [The Russian Far East in the legislative materials. 1881—1889]. Vladivostok: Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Dal'nego Vostoka Publ., 2005, 260 p. (In Russ.)
4. *Dal'nij Vostok Rossii v materialah zakonodatel'stva. 1862—1870 gg.* [The Russian Far East in the legislative materials. 1862—1870]. Vladivostok: Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv Dal'nego Vostoka Publ.; Informacionno-reklamnoe agentstvo "Komsomolka DV" Publ., 2004, 224 p. (In Russ.)
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). II. T. 44* [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). II. V. 44]. No. 47118, no. 47653. (In Russ.)
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). III. T. 2.* [Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). III. V. 2]. No. 950. (In Russ.)
7. Sokolenko A.V. Učastie pograničnyh komissarov Priamurskogo general-gubernatorstva v bor'be s dežel'nost'ju inostrannyh razvedok na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale XX v. [Participation of boundary commissioners of the Amur governor-generalship in the fight against foreign intelligence operations in the Russian Far East in the early twentieth century]. *Istoričeskie, filosofskie, političeskie i juridičeskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 10 (60), pp. 152—157. (In Russ.)
8. *Tihookeanskij rubezh. Iz istorii ohrany gosudarstvennoj granicy Rossii v Primor'e i na Tihom okeane* [Pacific Rim. From the history of the national border control of Russia in the Primorye region and on the Pacific coast]. Vladivostok, Russkij ostrov Publ., 2004, 336 p. (In Russ.)
9. *Ussurijskoe kazach'e vojsko: istorija i sovremennost' (k 110-j godovshhine obrazovanija UKV)* [The Ussuri Cossack Host: history and contemporaneity. On the occasion of 110th anniversary of the formation of the Ussuri Cossack Host]. Vladivostok, Russkij ostrov Publ., 1999, 120 p. (In Russ.)
10. Shmonin I.V. Vzaimodejstvie ussurijskogo kazachestva s upravleniem pograničnogo komissara v Juzhno-Ussurijskom krae Rossijskoj imperii [Cooperation between the Ussuri Cossack with the administration of commissioners in the South Ussuri region of the Russian Empire]. *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII—XXI vv. Sbornik statej. Vyp. 3* [The Cossacks of the Russian Far East in the seventeenth — the twenty-first centuries. Collection of articles. Issue 3]. Habarovsk, 2011, pp. 85—91. (In Russ.)
11. Shmonin I.V., Shmonin D.I. Istoričeskie aspekty obespečenija bezopasnosti dal'nevostočnyh granic Rossii v nachale XX v. [Historical aspects of the protection of the Russian Far Eastern boundaries in the early twentieth century]. *Rossija i ATR*, 2015, no. 4, pp. 121—129. (In Russ.)